

Та рука медленно оглаживала щеку Цзян Нина, пальцы легко касались ресниц, скользили к кончику носа, затем к подбородку, любуясь божественным, точно у идола, лицом молодого человека.

Очень скоро этой руке стало мало одних лишь ласк по лицу, и она начала медленно опускаться вниз. Кончики пальцев, легкие, как перышко, прошли по кадыку Цзян Нина, затем по груди, талии и основанию бедер, не собираясь останавливаться. Проводя ладонью по голени Цзян Нина, он слегка шлепнул его.

— Хороший мальчик, подними повыше.

Левая нога Цзян Нина невольно приподнялась.

Юноша длинными, изящными пальцами развязал красный шнурок с медным колокольчиком на своем поясе и, обхватив голень Цзян Нина, бережно повязал его вокруг его щиколотки.

Он завязал красивый бантик.

Коснувшись его кожи пару раз, он с явным удовлетворением принялся созерцать свою работу.

Кожа Цзян Нина, белая, словно нефрит, и тонкая щиколотка на фоне красной нити казались еще нежнее.

Под маской дрогнули губы, изогнувшись в легкой улыбке; он наклонился и коснулся губами подъема стопы Цзян Нина — зрачки того мгновенно расширились!

Пусть их разделяла маска, но ощущение холода на коже было до ужаса реальным!

Омерзение от поцелуя этого извращенца вмиг заполнило весь разум Цзян Нина. К тому же юноша ещё и добавил с похвалой:

— Какая послушная, ты такая красивая, останься моей женой, я буду очень хорошо о тебе заботиться.

Цзян Нин смотрел на сложный узорчатый масок перед собой и ему даже казалось, что узоры на маске насмеются над ним!

Будучи натуралом, Цзян Нин был в бешенстве!

Действие сонного заклятия закончилось, и Цзян Нин, наконец обретший способность двигаться, резко взмахнул ногой и пнул юношу!

— Да пошёл ты к чёрту!

Юноша, всё ещё прижимавший его к земле, в мгновение ока превратился в полоску чёрного дыма и растворился в небесах, а оставшиеся после него пустые слова снова и снова эхом разносились по комнате: — Оставайся моей женой, будь моей женой, моей женой, женой...

— Да пошла ты к чёрту с этой женой, может, мне ещё твоим праотцом стать! Я сейчас как дам тебе пинка, мало не покажется!

Цзян Нин в ярости принялся молотить кулаками по воздуху во все стороны, пока этот сон

наконец не рассыпался.

В тот же миг Цзян Нин проснулся. Он сидел на кровати, тяжело дыша, и, опустив взгляд, посмотрел на лодыжку левой ноги: красной верёвочки с колокольчиком там уже не было, но тошнота в душе всё ещё стояла невыносимая.

Подняв голову, он обнаружил, что его друг детства Сун Ян сидит прямо у изголовья кровати и пристально, не мигая, смотрит на него.

Цзян Нин вздрогнул, поспешно сел и, нахмурившись, произнёс:

— Сколько раз тебе повторять, не смотри на меня так. Как будто ты какой-то недоразвитый извращенец с повреждённым мозжечком.

Сун Ян усмехнулся и протянул Цзян Нину пару леденцов:

— Просто беспокоюсь, вдруг ты к местному климату не привык, вот и решил присмотреть за тобой получше.

Цзян Нин закатил глаза:

— Не нужно. Это всего лишь кошмар, я не из пугливых.

Несмотря на эти слова, бешеное сердцебиение, терзавшее его во сне, сейчас словно перенеслось в реальность. Цзян Нин уставился на открытую дверь, погрузившись в глубокие раздумья.

За дверью тянулась бесконечная цепь первозданных гор, окутанных густым туманом, скрывающим горизонт.

Здесь не было ни интернета, ни электричества, ни каких-либо современных удобств.

Цзян Нин уже три дня жил в Деревне Облачного Заменя, пытаясь привыкнуть к здешним условиям, чтобы найти тот самый идол золотой змеи с человеческой головой.

И этот отвратительный сон преследовал его все три дня.

Если бы не тот факт, что идол золотой змеи стоит сто миллионов, Цзян Нин, человек с патологической тягой к чистоте, не пробыл бы в этой деревне и дня.

Пока он предавался размышлениям, снаружи послышался стук костыля.

В комнату вошла восьмидесятилетняя старуха с костылём, одетая в пёстрые одежды. У неё была тёмная кожа, на лице виднелись красные ритуальные узоры, а седые волосы украшали звенящие подвески. На шее болталось ожерелье из волчьих клыков, а на лице играла добрая улыбка.

Увидев, что пришла старушка, Цзян Нин поспешно вскочил с кровати, чтобы помочь ей, и, спрятав брезгливость за выражением искренней заботы, сказал:

— Бабушка, не нужно приносить нам еду, это слишком накладно. К тому же, мы молодые и крепкие парни, сами можем охотиться, пока живём в этих горах.

В корзине лежала груда яиц, испачканных в соломе и курином помёте. В воздухе распространился запах птичьих перьев — было ясно, что яйца только что из-под курицы.

Старушка немного поупиралась, но всё же заставила его принять корзину, поставив её в угол.

Едва она перешагнула порог, а эхо благодарности Цзян Нина ещё звучало в комнате, как вслед за ней, подпрыгивая, ввалилась маленькая девчушка с куском вяленого мяса в руках. Девушке было на вид лет шестнадцать-семнадцать; одетая в такие же, как у старика, одежды, она с любопытством уставилась на Цзян Нина своими живыми, сияющими глазами и, смущаясь, протянула ему связку вяленого мяса.

Цзян Нин поспешно замахал руками:

— Нет-нет, госпожа А Хэ, мы не можем больше брать, мы ещё вчерашнее не доели...

А Хэ застыла, глядя на Цзян Нина во все глаза, в которых отражались искорки восторга. В её зрачках запечатлелось дивное, почти неземное лицо юноши.

У Цзян Нина были выразительные персиковые глаза с приподнятыми уголками, а ресницы у внешнего края казались особенно длинными и густыми. Когда он опускал взгляд, в нём сквозила такая невероятная нежность, а пухлые, слегка приоткрытые губы и тонкие черты лица придавали ему природную, хрупкую утончённость — точь-в-точь как у божества, которому поклонялись в святилище клана Юньшэ. Ахэ быстро сунула вяленое мясо в руки Цзян Нина, а её белая мягкая ручонка ещё и украдкой погладила Цзян Нина по тыльной стороне ладони. Сказав что-то на непонятном для Цзян Нина языке, она торопливо убежала.

Находившийся в комнате Сун Ян с легким смешком шагнул вперед и перевел:

— Она говорит, что ты ей нравишься и она хочет завести с тобой роман.

Лицо Цзян Нина мгновенно перекосило от отвращения. Швырнув вяленое мясо обратно Сун Яну, он быстро подбежал к умывальнику и принялся настойчиво мыть руки.

Бормоча себе под нос, он жаловался:

— Какая гадость, я не стану есть то, к чему прикасались чужие руки, а эти яйца вообще перемазаны куриным пометом! Цзян Нин был ребенком, выросшим в большом городе. Поскольку с малых лет его воспитывали дедушка с бабушкой, он был довольно избалован, а из-за пережитых в дальнейшем событий у него развилась тяжелая форма мизофобии. Особенно это касалось еды: стоило пище побывать в чужих руках, и Цзян Нин категорически отказывался к ней прикасаться.

Даже Сун Ян, росший вместе с ним, подавая Цзян Нину еду, был вынужден надевать одноразовые перчатки.

Цзян Нин считал, что если он смог прожить в этой глухой деревушке целых три дня, то тут можно было сказать лишь одно: магия денег поистине велика!

В горы они отправились втроем, но другой спутник из-за своего пристрастия к вкусной еде давно ушел в деревню напрашиваться на обед.

Цзян Нин кое-как закинул в рот пару мятных леденцов и направился в деревню.

Стоило ему войти, как на него уставились девушки его возраста.

Цзян Нин не понимал их языка, но ради Идола золотой змеи ему оставалось лишь излучать дружелюбие и улыбаться, приветствуя местных жителей.

Когда он улыбался, на его щеках проступали ямочки, а его стройные и прямые ноги очень красиво смотрелись при ходьбе, из-за чего многие девушки восторженно выкрикивали.

Его спутник Сун Ян тихонько переводил:

— Они хвалят тебя за красоту, говорят, что ты похож на ожившую статую божества, которой они поклоняются в деревне, и спрашивают, есть ли у тебя пара и не собираешься ли ты остаться в деревне навсегда?

Цзян Нин с улыбкой вежливо отказался от всего:

— Передай им, что у меня действительно есть такие мысли, но сначала нужно найти Идол золотой змеи — это вещь, которую оставил мне дедушка.

Сун Ян снова перевел слова друга, и на этот раз толпа погрузилась в молчание. Но вскоре кто-то из молодых людей крикнул из толпы:

Сун Ян обрадовался:

Он сказал, что эта вещь находится у какого-то паренька в деревне!

Однако, когда заходила речь о том юноше, лица деревенских жителей делались совсем

нерадостными.

Характер у того паренька был престранный: друзей в деревне он не имел, ни с кем не сближался, и никому и никогда не удавалось выудить у него хоть что-нибудь.

Если же кто-то действительно нацеливался на какую-то вещь, ему приходилось платить цену, чтобы обменяться с юношей.

Цзян Нин вместе с Сун Ян сидели дома и строили планы:

Прекрасный результат, это парень. Будь он девчонкой, мне пришлось бы еще поступиться своей привлекательностью. А вот такой одиночка, по всему видно, умом особо не блещет — стоит лишь пообещать стать с ним закадычными друзьями, и выпросить нужную вещь будет не так уж сложно.

Сун Ян осторожно заметил:

С парнями тоже не обязательно обходиться без жертв. Вдруг он по этой части...

Цзян Нин прыснул со смеху:

Да брось ты! У людей из такой глухомани мысли по определению зажаты, какая там тяга к своему полу. Боюсь, они даже от слов вроде поцелуев и любви со стыда сгорают.

Когда другой товарищ, Чжан Бэй, вернулся, доев бесплатный завтрак, Цзян Нин изложил ему свой план.

Чжан Бэй тут же принялся подкидывать идеи:

Будь у него целый вагон друзей, нам было бы непросто с ним сблизиться. Но раз он одинок-одиошенек, завтра же потащим гостинцы, что дали деревенские, прямо к нему домой. Скажем, что у нашего дома крыша протекает и жить там нельзя, попросимся на постой. Будем готовить ему еду, ходить на охоту, рубить дрова, болтать, чтобы не скучал, и рассказывать байки. Стоит ему прочувствовать всю прелесть дружбы, как он сам отдаст нам все, о чем ни попросим, причем обеими руками.

Кто знает, может, когда мы надумаем уходить, он еще и заплачет, пытаясь нас удержать! А если у него дома завалилась какая-нибудь ценная вещица, о которой мы не знаем, глядишь — и вовсе все нам выкатит!

Цзян Нин легко усмехнулся:

Тогда зачем откладывать до завтра? Пойдем сегодня же вечером. Как раз заявимся затемно, так что выставить нас ему будет совестно.

Пока они втроем собирали вещи, на заднем дворе самого затерянного в горах деревянного дома-гриба в Дереве Облачного Змея длинноволосый юноша в роскошных одеждах стоял на поле и мотыгой взрыхлял землю.

Парень был босиком, его длинные волосы рассыпались по плечам, а надетые на нем одежды пестрели сложными узорами и яркими красками, совсем как у остальных жителей деревни. Вот только украшений на его голове и шее висело куда больше, чем у других. По бокам лица спускались косы, в которые были вплетены серебряные нити. Сам он был высоким и тощим, а

мотыгой орудовал сноровисто и уверенно — с первого взгляда было понятно, что дело привычное.

<http://bllate.org/book/29299/3558310>